

ДИСКУССИЯ ⇌ ДИСКУССИЯ

В 4-м номере «Петербургского археологического вестника» была опубликована статья Л.Б.Вишняцкого «Забегание вперед в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация». Статья оказалась острой, о чем свидетельствуют противоречивые отклики и оценки специалистов. Редакция «Stratum plus» публикует материалы экспресс-дискуссии с завершающим комментарием Л.Б.Вишняцкого.

Редакция

Аникович М.В.

ПРЕОРИНЬЯК — «ЗАБЕГАНИЕ ВПЕРЕД» ИЛИ НАЧАЛО?

Anikovitch M.V. Preaurignacian — «Running ahead of time» or the beginning?

A clear and precise definition of the term «running ahead of time» in the work of L. B. Vishneatsky (1993: 7-16) allows to look at the similar phenomenon not as at «the archaeological curious incident», but as at one of the kinds of the cultural changeableness in pre-history. But it is necessary to pay attention to the fact that some of the stone industries, analysed by L. B. Vishneatsky, can turn out to be not an utterly disappeared phenomenon (Preaurignacian, Howieson's Poort) but, notwithstanding its old age, a genuine beginning, source of a new archaeological epoch: Upper Palaeolithic period. Such a probability becomes possible if we take into consideration a number of indirect but at the same time interrelated circumstances. Their thorough analysis supports the hypothesis that in ancient European industries of the Aurignacian technocomplex there existed a kind of common source, formed much earlier outside Europe, most probable, in the result of the activity of people of a modern physical type. At present, at least, the Near-Eastern Preaurignacian remains the only candidate for the role of such a source.

В подходе Л.Б.Вишняцкого многое привлекает. Прежде всего — само обращение к загадочным индустриям ближневосточного преориньяка и южноафриканского хаусисунс пурт: меня, как и автора, совершенно не удовлетворяют довольно распространенные попытки отделаться от проблемы с помощью слова «фация», представить дело таким образом, будто в этих индустриях нет ничего особенно загадочного, слишком необычного. Вишняцкий здесь, как и в других своих работах, весьма обстоятелен; круг используемой им литературы весьма широк. Теперь же, после поездки в США, он — единственный российский палеолитовед, знакомый хотя бы с частью этих материалов не только по публикациям, но и по собственным впечатлениям. Подкупает новизна, специфический угол зрения в самой постановке вопроса. Наконец, я не имею ничего против и самого термина «забегание вперед»: может быть, он и не вполне удачен, но... почему-то в археологии зачастую утверждаются именно «неудачные» термины (в отношении «археологической культуры», например, мы этого и не замечаем лишь в силу многолетней привычки). Дело не в термине: главное — насколько ясно и точно определено его содержание. Здесь же у автора все в порядке: «забегание вперед» — это такие случаи, «когда элементы, характерные для относительно более развитых (и более поздних) культур появляются в достаточно выраженной форме в культурах относительно более архаичных, затем, просуществовав какое-то время, исчезают, а затем, спустя тысячи и десятки тысяч лет, появляются вновь, но уже не как аномалия, отклонение от нормы, а как закономерный итог развития» (Вишняцкий 1993:9).

Действительно, явления такого рода хорошо известны в истории человечества; это и упоминавшиеся автором в конце статьи мустьерские костяные орудия, верхнепалеолитические шлифованные орудия и верхнепалеолитическая керамика (1), металлы в неолите и проч. (Вишняцкий 1993:13). Примеры такого рода можно значительно умножить, включая и более поздние периоды, — вспомним, хотя бы, паровую машину, изобретенную Героном Александрийским еще до н. э. Вишняцкий прав, призывая взглянуть на подобные явления «не как на археологический курьез, а как на один из видов культурной изменчивости в преистории (добавлю: и не только в преистории! — М.В.), как на своеобразный

феномен в эволюции первобытной культуры» (Вишняцкий 1993:13). Здесь я с ним тем более солидарен, что и сам был вынужден отметить данное явление в своем определении понятия «археологическая эпоха» (Аникович 1992).

Однако, можно ли безоговорочно трактовать преориньяк и хаусисунс пурт, равно как и другие, лишь упомянутые Вишняцким проявления комплекса верхнепалеолитических характеристик в весьма ранних индустриях только таким образом, — как внезапно возникшие, какое-то время просуществовавшие и бесследно исчезнувшие феномены? Думается, исключая заранее возможность иных, альтернативных решений, автор сам несколько «забегает вперед»: анализ самих материалов, дальнейшее изучение этих чрезвычайно интересных памятников могут привести впоследствии к иным вариантам их интерпретации, и лучше с самого начала предусмотреть такую возможность.

Конечно, вполне вероятно, более детальный анализ коллекций покажет, что в ряде случаев их «верхнепалеолитический» облик сильно преувеличен, и что они вполне соответствуют представлениям о среднем палеолите. Уже представленные Л.Б. Вишняцким материалы «преориньякского» слоя пещеры Табун из раскопок А.Елинека очень настораживают и невольно склоняют к такого рода трактовке. Здесь, впрочем, далеко не все ясно: нельзя, на мой взгляд, безоговорочно отметать материалы из прежних раскопок Д. Гаррод, содержащие, судя по публикациям, большое количество типичных скребков. Но даже если верхи слоя Е пещеры Табун потеряют в глазах археологов «верхнепалеолитическую» специфику, — это отнюдь не закроет проблему преориньяка: для меня, во всяком случае, здесь исключительно важное значение имеет авторитет Ф.Борда, оценившего индустрии 13 и 15 слоев навеса Ябруд как типичный верхний палеолит (Bordes 1955). Хочу отметить один момент. Конечно, и Л.Б.Вишняцкий, и Е.Ю.Гиря, и П.Ю. Нехорошев правы, когда подчеркивают необходимость более детального анализа техники скола этих индустрий. Однако, на мой взгляд, даже если впоследствии выяснится, что пресловутый «перебор карниза» в преориньякских слоях Ябруда не достигает «верхнепалеолитического» уровня, — это, опять-таки не решит окончательно, но лишь заострит проблему их интерпрета-

ции: резцы на пластинах и концевые скребки все равно останутся резцами и скребками. Подобным образом, в иных случаях, достаточно выраженная верхнепалеолитическая техника скола не может снять или уменьшить яркий архаизм типологии орудий (например, Костенки 12, III-й слой) и ликвидировать сам вопрос о месте и роли такой индустрии при переходе от мустье к верхнему палеолиту.

Главное, на что я хочу обратить внимание, — возможность того, что хотя бы некоторые из анализируемых Л.Б.Вишняцким индустрий могут в действительности являться не бесследно исчезнувшим впоследствии «забеганием вперед», но, несмотря на их древний возраст, — подлинным началом, истоком новой археологической эпохи: верхнего палеолита. На такую возможность указывает ряд, хотя и косвенных, но взаимосвязанных обстоятельств.

1) Совокупность современных данных по происхождению *Homo sapiens sapiens* указывает, во-первых, на то, что этот вид возникает на территории Юго-Восточной Африки (область распространения хаусунс пурт), по крайней мере, на 100 тыс. лет раньше еще недавно принятого рубежа 35-40 тыс. лет назад. Во-вторых, выясняется роль Ближнего Востока (район распространения преориньяка) как форпоста, где около 100 тыс. лет до н.д. появляется морфологически современный человек, и откуда, по-видимому, он впоследствии начинает свое распространение в иные регионы Старого Света (Вишняцкий 1990).

2) Имеющиеся данные по начальной поре верхнего палеолита Европы указывают на общность исторической судьбы континента в этот период. При всей конкретной культурной специфике, во всех основных регионах Европы с самого начала верхнего палеолита сосуществовали архаичные, мустьероидные культуры (шательперрон в Западной, культуры селетоидного технокомплекса в Центральной и Восточной Европе) и типично верхнепалеолитические, высоко развитые культуры, относящиеся к ориньякоидному технокомплексу. Есть основания связывать первые с местными вариантами мустье, тогда как для вторых сколько-нибудь убедительной местной основы проследить не удастся. Вместе с тем можно предполагать катализирующее воздействие ориньякоидных культур на архаичные культуры верхнего палеолита (Allsworth-Jones 1986).

3) Косвенные данные позволяют связывать ориньякоидные культуры с людьми современного физического типа (прямые — для шательперрона и центрально-европейского селета; косвенные — для восточноевропейской стрелечной АК) считать творцами верхнепалеолитических культур раннего периода местных «классических» неандертальцев (Allsworth-Jones 1986; Harrod 1989; Аникович 1991).

4) Судя по радиоуглеродным датам, распространение ориньякоидных (в широком смысле термина) индустрий на территории Европы шло с Юго-Востока (Бачо Киро 11-й слой) в Центральную (Ишталлошке, нижний слой, Брно-Богунцы), Восточную (спицынская АК), и несколько позднее — в Западную Европу («ориньяк»). Первоначальное появление подобных индустрий на континенте произошло, по-видимому, не позднее 45 тыс. лет до н.д.; их появление в Западной Европе имело место лишь 10 тыс. лет спустя.

На мой взгляд, приведенные данные лучше всего согласуются между собой на основе гипотезы о существовании у древнейших европейских индустрий ориньякоидного технокомплекса некоего общего источника, сформировавшегося в более раннее время за пределами Европы, скорее всего, — в результате деятельности

людей современного физического типа. На сегодняшний день, по крайней мере, ближневосточный преориньяк остается едва ли не единственным (во всяком случае, — самым серьезным) кандидатом на роль такого источника.

Да, конечно, преориньякские слои «запечатаны» ябрудьеном, — но ведь из этого не следует, что сам преориньяк обязательно исчез, не оставив следа: последнее лишь версия, но не факт. Бесспорно, между преориньяком и древнейшими ориньякоидными индустриями Европы — и временной, и пространственной, и типологической разрыв, хиатус. Но если бы этот хиатус был заполнен уже сейчас, то и спорить было бы не о чем.

Да, конечно, прежние представления о жесткой связи: неандерталец — мустьерская культура, кроманьонец — верхний палеолит, сейчас выглядят чистойшим анахронизмом. Но и речи нет о возврате к такой схеме; я говорю лишь об одной из возможных моделей начала верхнего палеолита, а именно о распространении морфологически современных людей в Европе, модели, наилучшим образом согласовывающей между собой имеющиеся на сегодняшний день данные по этому вопросу, в том числе и верхнепалеолитические культуры, созданные европейскими неандертальцами. Я вовсе не считаю, что человек современного вида, только возникнув, тут же принялся скалывать пластины с призматических ядрищ, активно используя прием «перебора карниза», изготавливать из этих пластин резцы, скребки и проколки и вообще — демонстрировать типично «верхнепалеолитическое» поведение: это было бы слишком просто. Но, однако, не приходится отрицать, что в общем и целом верхний палеолит является началом развития именно нашей культуры, культуры морфологически современного человека, равно как и то, что первое типично верхнепалеолитическое явление в Европе, — индустрии ориньякоидного технокомплекса, — обязаны своим появлением, по всей вероятности, именно *Homo sapiens sapiens*.

Да, конечно, мы еще не знаем, кто был создателем преориньяка. Более того, в свете новых данных (Bar-Yosef 1989) мы не можем быть уверены и в хронологическом определении этой культуры. Но тем больше оснований воздерживаться от окончательных суждений по поводу преориньяка, допускать альтернативные варианты его интерпретации.

«Ориньяк с Ближнего Востока, — Ах, как это старо: если не как мир, то почти так же, как сама ориньякская проблема!» Да, конечно, это так. Но я никогда не стремился к новому ради самого нового, оригинального: подобный подход, может быть и неплох для личного самоутверждения, но далеко не всегда способствует правильному решению научного вопроса. Здесь старые, казалось бы, давно забытые и отвергнутые гипотезы иногда могут неожиданно получить очень яркую «вторую жизнь». Вот и в этом случае, по моему глубокому убеждению, старая гипотеза о ближневосточной прародине европейского ориньяка далеко не исчерпала своих потенциальных возможностей.

В заключение подчеркну еще раз: моя цель — не противопоставить один вариант интерпретации другому, но лишь призвать к большей осторожности (и к большей вариативности!) в оценках тех чрезвычайно специфических индустрий, которые стали предметом исследования Л.Б.Вишняцкого. Дальнейшая плодотворная разработка этой проблемы едва ли возможна без непосредственного изучения самих материалов; в идеале же необходимо знакомство и с самими памятниками. Искренне желаю Л.Б. Вишняцкому и того, и другого.

Примечания

1. Имеется в виду керамика, зафиксированная в памятниках «Павловьена», в Костенках 1-1, в Каповой пещере (Урал), в Майнинской стоянке (Сибирь) и т.п. (Граслов 1992). Начальный джемон (Япония), по моему мнению, должен трактоваться как достаточно типичный неолит, хотя и очень ранний (доголоценовый).

ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М.В. 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб.
- Аникович М.В. 1992. К определению понятия «археологическая эпоха» // РА 1:85-94.
- Вишняцкий Л.Б. 1990. Происхождение Homo sapiens. Новые факты и некоторые традиционные представления // СА 2:99-114.
- Вишняцкий Л.Б. 1993. «Забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация // ПАВ 4:7-16.
- Граслов Н.Д. 1992. О керамике эпохи верхнего палеолита в Северной Евразии // АВ 1:28-35.
- Allsworth-Jones H. 1986. The Szeletian and the transition from Middle of Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford
- Bar-Yosef O. 1989. Geochronology of the Levantine Middle Paleolithic // Mellars & Stringer (eds.). The Human Revolution: 859-610.
- Bordes F. 1955. Le Paléolithique inférieur et moyen de Yabrud (Syrie) et question du Préaurignacien // L'Anthropologie 59:486-507.
- Harold F.D. 1989. Mousterian, Chatelperronian and Early Aurignacian in Western Europe: Continuity or Discontinuity? // Mellars & Stringer (eds.). The Human Revolution: 677-713. Edinburgh.

Гиря Е.Ю.

Ghinea E.Y.

The examples used by L. B. Visneatsky to illustrate the phenomenon of «running ahead of time» are the first of the lamellar complexes known now. The appearance of the blade as one of the leading types of the blanks inevitably leads to a fairly narrow-defined change of the general look of the industry. Moreover, there exist a pre-determination in the industry development on the basis of a serial extraction of flakes, that, eventually, are doomed to become lamellar. The point is that only the blade can be such a serial produced by flakes that is distinguished by a sharp cutting and a fairly long cutting edge. In its turn it presupposes the formation of tool complexes of the same type in various industries. This is definitely seen in the Palaeolithic period, especially in the early one.

This fact doesn't withdraw the question of the reasons of the appearance of qualitative innovations (such as «running ahead of time»), but allows to define the relation to the second phenomenon, used by L.B. Vishneatsky. That is «a normal course of developing» or «a normal evolutionary consecutiveness». The word «norm» itself has a shade of some «must» or execution. Not sharing the idea of predestination of human history, it is impossible to give up the obvious fact of existence in the history of development some stone industries of a certain norm. It can be defined in a relatively narrow choice of possibilities of formation of stone tools available for an ancient man: the blade could have been not invented at all (to make do with the tools with bifacial working), but it couldn't be invented differently. This fact also explains the controversial character of developing of palaeoindustry: on the one hand it mostly takes place by stages (certain stages are characterized by a set of ways of formation of the same type), on the other hand, it has certain episodes of «running ahead of time». A step forward on the way of stone industry development — it is a step in one of the few directions, provided by nature, whoever makes it. This narrow enough way can be followed differently, with different speed, forward and backward, but everyone who has chosen it should follow the existing turnings, overcome one and the same ups and downs.

Обычно писать о плохих статьях желания мало. «Забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий ...» Л.Б.Вишняцкого — работа, вызвавшая особый интерес в среде палеолитчиков: она уже переиздана в «Antiquity» (к сожалению, в сокращенном виде); обсуждалась в отделе камня института и на университетском семинаре В.И.Беляевой, не говоря уже о многочисленных спорах в «Девятке» (основной источник еретических суждений о палеолите в ИИМК РАН); зарубежные («дальние» и «ближние») коллеги, отмечая высокий профессионализм автора, ищут встречи с Леонидом Борисовичем, запрашивают его адрес. Счастливая и по-хорошему завидная судьба работы уже сама по себе определяет ее качество. И тема статьи неординарна, ее уникальность состоит в том, что она посвящена не столько проблемам историкоархеологическим (сугубо археологическим), сколько интерпретационным, тяготеющим к области преистории.

Уже поэтому здесь есть, что обсуждать, о чем спорить. Прежде всего — само определение явления — «забегание вперед» — оно, как мне кажется, крайне неудачно. Не проще ли говорить о специфичности, особой судьбе первых проявлений чего-то нового в исто-

рии человечества. Ведь не говорим же мы о «забегании назад», когда имеем в виду какие-либо архаические черты. Чем «забегание» в развитии палеоиндустрий отличается от простого «развития»? Как явствует из статьи — именно тем, что оно, однажды возникнув, исчезает, чтобы проявиться в отдаленном будущем. Но имело ли шанс это будущее быть иным?

Какими же могли быть инновации в развитии палеоиндустрии? Сколь широк был спектр возможных вариантов? Иными словами, могли бы они развиваться бесконечным числом способов, в кардинально различных направлениях? Говоря о нововведениях в человеческой культуре вообще, с некоторыми оговорками, но все же можно согласиться, что спектр таких возможностей был достаточно широк. В противоположность этому, в области производства каменных орудий расщеплением, на мой взгляд, возможных вариантов развития было не так уж и много.

Примеры, которыми воспользовался Леонид Борисович для иллюстрации явления «забегания вперед», это — первые из известных нам сейчас (или же действительно наиболее ранние) пластинчатые комплексы. Появление пластины как одного из основных типов за-

готовки непременно влечет за собой достаточно узко определенное изменение общего облика индустрии. Отсюда происходит и некоторое сходство удаленных друг от друга явлений. Объясню подробнее, чисто технологически возможности вариативности форм продуктов расщепления не безграничны. Существуют два основных пути: либо получение скола определенной формы (первое проявление — леваллуа), либо изготовление изделия из самого ядрища (бифасиальные индустрии). Иных возможностей изготовления чего-либо расщеплением не существует в природе. Причем, если индустрия развивается (совершенствуется) в направлении изготовления орудий на основе серийного получения сколов определенной формы, то она, в конечном счете, практически обречена стать пластинчатой. Дело в том, что таким (серийно репродуцируемым, тонким, имеющим достаточно длинный режущий край, и т.д.) сколом может быть только пластина. Говоря иными словами, пластина и не могла пластиной не стать, нельзя серийно производить круглые или иной (не призматической) формы сколы, имеющий режущий край по максимальной длине периметра. Количество форм пригодных к употреблению орудий, сработанных на пластинчатых сколах-заготовках весьма многообразно, но, все-таки, также не безгранично — здесь есть целый ряд ограничений (функциональных необходимостей) общих для орудий различного назначения. Сочетание одинаковых или близких технологических и функциональных необходимых в формообразовании каменных орудий предполагает большую вероятность возникновения отнюдь не разнообразных, а, скорее, уныло однообразных комплексов форм в различных индустриях в рамках известных периодов. Именно это мы и наблюдаем в палеолите, особенно раннем.

Это объяснение, конечно же, не снимает вопрос о причинах возникновения качественных нововведений (таких, как «забегание вперед») — первых проявлениях чего-то, чему отнюдь не запрещено совершенно независимо возникнуть где-то еще раз. Но оно, в какой-то мере раскрывает мое отношение к старому феномену или явлению, используемому Леонидом Борисовичем в его статье. Это — «нормальный ход развития», «норма развития» или же «нормальная эволюционная последовательность». К сожалению, в статье не нашлось особого раздела для «определения и обозначения» этого термина, создается впечатление, что автор таким образом обозначает общий «фон» соседствующих современных индустрий. Он привлекается к обсуждению, но лишь на уровне констатации его наличия. Я же хотел бы обратить внимание на возможность и необходимость качественного анализа и этого феномена, поскольку, без него, как мне кажется, «забегание вперед» определить нельзя. Само слово «норма» носит оттенок некоторой обязательности исполнения. Я не разделяю идей о предначертанности человеческой истории, но в истории развития каменных индустрий определенная норма для меня очевидна. Я усматриваю ее в относительно узком выборе доступных древнему человеку возможностей формообразования каменных орудий: пластину можно было бы и не изобретать (можно обходиться орудиями с двусторонней обработкой), но изобрести ее иной было нельзя. Этим же, для меня, объясняется и противоречивый характер развития палеоиндустрий: с одной стороны, он, в основном, стадийный (отдельные стадии характеризуются достаточно однообразными наборами способов формообразования), а с другой — ему присущи отдельные эпизоды «забегания вперед». Почему когда-то делали так, как сейчас, почему впоследствии делали так, как раньше. Почему синхронно или же в раз-

ное время, в разных местах возникали достаточно близкие по сути палеоиндустрии? Именно благодаря наличию таких норм. Шаг вперед на путях развития каменных индустрий, чаще всего, — это шаг в одном из многих, предоставленных природой направлений, кем бы он ни делался. Это достаточно узкие пути, на которых можно двигаться различным способом, с различной скоростью, вперед и назад, но каждый ступивший на них должен следовать существующим поворотам, преодолевать одни и те же ухабы, спуски и подъемы.

Близость различных (территориально и по времени) первых проявлений чего-либо нового в развитии каменных индустрий может быть проиллюстрирована не только на примере перехода к серийному производству пластин и орудий из них. Так, в культуре салютре использовалась очень специфическая, требующая особого мастерства, технология изготовления тонких бифасов, предполагавшая стадию специального вторичного утоньшения. Но такая же технология существовала и в палеоиндейских комплексах Америки: Кловис, Фолсом и более поздних. А в целом слое Костенок 1 представлена очень древняя стрелецкая индустрия, основанная, опять-таки, на том же вторичном утоньшении. Я не склонен рассматривать ее как «забегание вперед», хотя она в три раза древнее Кловис, и почти в два раза старше салютре. Просто там, где требуется получить длинное тонкое в сечении лезвие не на сколе, а путем обработки самого ядрища, без изобретения такой технологии не обойтись. Есть технология — есть формы, нет технологии (не «созрело» еще сознание) — нет форм. Только в Америке может быть прослежена какая-то преемственность в использовании этой технологии в более позднее время. Ни салютре, ни стрелецкая культура не имели никаких «последователей», продолжателей их искусства в палеолитической Европе, они появились лишь в неолите и бронзовом веке.

Еще один пример, возможно, так же иллюстрирующий «забегание», — это получение больших сколов усиленным отжимом. По всей Европе и части Азии эта техника скола распространяется в IV-III тыс. до н.э. Но по мнению Дж.Фризона и Б.Бредли, снятие желобчатых сколов с наконечников типа Фолсом в отдельных палеоиндустриях Америки велось таким же образом. Выходит, палеоиндейцы, в этом случае, «забегали вперед», обогнали Европу тысяч на шесть-семь лет. Но, по видимому, не на долго, так как возрождение усиленного отжима в Новом свете пока прослежено лишь по индустриям культуры мая, а это по времени — наше средневековье. Я уже говорил, что ставлю на одну полку характер и способы изменчивости человеческой культуры в областях материальной и духовной практик. Но и в социальной сфере, развитие которой доподлинно известно нам только лишь по историческим источникам (преистория в этом гораздо беднее), при желании, совершенно не трудно обнаружить множество «забеганий вперед». К примеру, древние греки: можно ли считать, что они отклонились от нормы собственного развития, когда «перепробовали» на себе чуть ли не все возможные формы государственного устройства задолго до того как...? Безусловно, в этом и во многом другом они «обогнали время», но это было их нормальное, органическое развитие. Лишь в виде поэтической метафоры можно принять положение, что «ген» демократии в рецессивном виде был передан через века от древних греков в древний Новгород. Столь же, если не в большей степени, трудно согласиться с тезисом о том, что «забегая вперед», стрелецкая культура заложила запас резервных идей и способностей в некий рецессивный фонд, который оказался востребованным

лишь спустя 15 тыс. лет в солютре, 20 тыс. лет — в Америке и 30 тыс. лет вновь в Европе.

Биологические параллели и терминология (слова: «генофонд» культуры), ее же «генотип» или «фенотип», даже поставленные автором в кавычки) имеют не больше смысла, чем поэтические метафоры, они ничего не проясняют. При этом я вовсе не полагаю кощунствен-

ным сравнение изменения палеолитической культуры с метаморфозой головастика. Но лишь метафорически, и только в этом ключе могу согласиться с тезисом автора, что в преистории существовал механизм культурной эволюции, действовавший подобно механизму эволюции биологической, за счет скрытого резерва изменчивости.

Нехорошев П.Е.

Nehoroshev PE

As a main example proving the existence of the phenomenon «running ahead of time» can serve the Preaurignacian of the Near East. However, a detailed analysis of the collections of the stone artefacts from this region available for studying allows to affirm that the Preaurignac does not appear all a sudden, as one set, but is grown on the local base, preserving all qualitative features, that are characteristic of the preceding industry. On the other hand, the Preaurignacian does not disappear without traces — all its characteristic qualitative features are seen both in the covering it Yabrudiane and in Later Levant Mousterian.

The Preaurignacian from a technological point of view can be viewed as an unsuccessful attempt of transition to the lamellar industry. Unsuccessful because the proto-prismatic technology probably didn't give the blanks of the needed quality. The idea of the mass production of blades this time of a higher quality was realized later, in the Levant Mousterian with the application of more sophisticated technology. None the less, the Preaurignacian can be considered as «running ahead of time», but this «running ahead» is attributed to the Levant Mousterian and not to the Upper Palaeolithic period.

В своей статье автор доказывает существование феномена «забегания вперед» в развитии первобытной культуры, «когда элементы, характерные для относительно более развитых (и более поздних) культур, появляются в достаточно выраженной форме в культурах относительно более архаичных, затем, просуществовав какое-то время, исчезают, а затем, спустя тысячи и десятки тысяч лет, появляются вновь, но уже не как аномалия, отклонение от нормы, а как закономерный итог развития» (с.5).

В качестве основных примеров рассматриваются преориньяк (в широком смысле) Ближнего Востока и индустрия хаусунс пурт Южной Африки. На основании ряда фактов делается заключение, что обе индустрии «демонстрируют в своем развитии следующие общие черты: 1) они возникают как бы внезапно, вдруг; все выделяющиеся их особенности появляются сразу, единым комплексом; 2) при этом обе индустрии вырастают, скорее всего, на местной основе, сохраняя ряд признаков, характерных для предшествующих комплексов; 3) существуют они в течение относительно короткого промежутка времени; 4) исчезают почти столь же резко, сколь и появляются; 5) на смену им приходят индустрии более архаичного облика, практически аналогичные тем, которые предшествовали эпизоду «забегания вперед» (с.10).

Приведенные в статье аргументы представляются достаточно доказательными и, если и не убеждают окончательно, то заставляют обратить самое пристальное внимание на предлагаемую гипотезу. Однако некоторые сомнения остаются: столь ли уж резко было «забегание вперед» и столь ли уж бесследно оно исчезало? Об индустрии хаусунс пурт мне судить трудно: доступные публикации слишком кратки и общи, но о преориньяке можно сказать несколько слов, хотя опубликованные данные и по этой индустрии оставляют желать много лучшего.

В пещере Табун преориньяк (в широком смысле, а точнее амудьен) подстиляется ябрудьенном, который, кратко, характеризуется следующим образом (Коробков 1978). Мустьерская группа орудий — 21,3, верхнепалеолитическая — 11,1, зубчато-выемчатая — 13,7, бифасы -13,5%. Преобладают одинарные и двойные скребла, есть острокопечники, зубчатых и выемчатых мень-

ше, чем скребел. Хорошо представлены верхнепалеолитические типы орудий: резцы, скребки, орудия с усеченным концом. Ножей с естественным обушком почти в два раза больше, чем скребел. Индексы леваллуа минимальны: IL — 1, IL ty — 1,2. Пластины 20,9, ножей со спинкой 15,4. Индексы фестажа: IF — 22,2, IF str — 4,3. Среди нуклеусов есть и укороченно-пирамидальные (т.е. протопризматические).

Показатели преориньякского слоя. Мустьерская группа орудий — 16,5, верхнепалеолитическая — 38,9, зубчато-выемчатая — 1,9%. Хорошо представлены бифасы. Преобладают скребла кина и полукина. Ножей с естественным обушком в 2 раза больше, чем скребел, много ножей с ретушированным обушком. Индексы леваллуа чуть выше, чем в нижележащем слое: IL — 5, IL ty — 1,9. Пластин 50%, ножей с естественной спинкой 23,3%. IF — 25,2, IF str — 10.

По вышележащему ябрудьенскому слою представлены следующие данные. Мустьерская группа орудий — 68,8, верхнепалеолитическая — 6,1, зубчато-выемчатая 5,7%. Бифасов меньше, чем в преориньякском слое. Подавляющее большинство орудий составляют скребла — доминируют прямые однолезвийные, есть атипичные резцы и скребки. Индексы леваллуа также низки: IL — 3,2, IL ty — 2. Пластин 20,3, ножей с естественным обушком 22,7%.

Таким образом, и в преориньякском, и в подстиляющем и перекрывающем его ябрудьенских слоях присутствуют скребки, резцы, ножи с обушком, протопризматические нуклеусы и пластины. Различия по этим показателям только количественные. При этом надо учитывать, что типологический облик индустрии во многом определяется исходной заготовкой. Замечание К.Бергмана и К.Охумы, сделанное для Хуммал 1а о том, что продольные скребла можно в некоторых случаях определить как пластины с ретушью (Bergman, Ohnuma 1983: 178), верно, как кажется, в целом, а не только в частности. То есть резкое увеличение количества пластинчатых заготовок столь же резко меняет и типологический облик индустрии. Что же касается сходства преориньяка с верхним палеолитом, отмечаемого многими, но не всеми, исследователями, то эта оценка, скорее, эмоциональная, чем фактическая. Скребки и резцы выделены Л.Лики и в олдувае, но они практически не имеют

ничего общего с верхнепалеолитическими. Средне- и верхнепалеолитические скребки и резцы также имеют различия, хотя, конечно же, можно подобрать почти идентичные отдельные экземпляры, которые, как правило, и публикуются в первую очередь.

Что такое преориньякские призматические пластины, и чем они отличаются от леваллуазских, не совсем понятно. А.Джелинек, например, все пластины с параллельной гранкой, которые многие исследователи определили бы как леваллуазские, относит к призматическим (Jelinek 1982: 75). Вероятно, первые более массивны, чем вторые, и имеют меньше фасетированных пластинок. Однако в преориньякской (в широком смысле) индустрии Хуммап 1а их не так уж и мало — 37,9% (Nishiaki 1989: 220, табл.9). При этом следует помнить об очень широком спектре мнений относительно леваллуа (Нехорошев 1993а). Судя по иллюстрациям, преориньякские пластины и пластинки явно грубее верхнепалеолитических. Их грубость отмечают также М.Ламдан и А.Ронен, а «Руст имел впечатление «примитивности верхнего палеолита», когда изучал преориньяк Ябруда (Lamdan, Ronen 1989: 35). Нишиаки подчеркивает грубость преориньякских реберчатых пластин по сравнению с верхнепалеолитическими (Nishiaki 1989: 217). По всей вероятности, изготовление преориньякских пластин связано с нижнепалеолитической, а не с верхнепалеолитической техникой скола (Нехорошев 1993б; Гиря, Нехорошев 1993).

В более поздней, чем ябрудьен, индустрии — раннем левантийском мустье (далее РЛМ), протопризматические нуклеусы, пластины и реберчатые сколы также присутствуют, хотя их количество незначительно (?). Технология расщепления определяется как пластинчатая леваллуазская с большим количеством ретушированных площадок на сколах. Но, как отмечает Нишиаки, «различия (между преориньяком и РЛМ) не лежат в присутствии или отсутствии особенных технологических элементов, но только в частоте их использования» (Nishiaki 1989: 225). То же касается и типологии: в слоях РЛМ Табуна верхнепалеолитическая группа орудий составляет около 10%. Хорошо представлены ножи со спинкой, долотовидные и орудия с усечением конца (Коробков 1978: 55), то есть те же типы, которые характерны и для преориньяка. Индустрия пещеры Дуара, 4 слой по ряду признаков занимает промежуточное положение между преориньяком и РЛМ. Следовательно, технологический разрыв между ними нельзя считать доказанным.

Таким образом, с моей точки зрения 1) преориньяк не возникает внезапно, единым комплексом, а вырастает на местной основе, сохраняя все качественные признаки, характерные для предшествующей индустрии, 2) но исчезает бесследно — все качественные признаки, характерные для преориньяка, прослеживаются как в перекрывающем его ябрудьене, так и в еще более позднем РЛМ.

Преориньяк, с технологической точки зрения, можно рассматривать как неудачную попытку перехода к пластинчатой индустрии. Неудачной, поскольку протопризматическая технология не давала, видимо, заготовок нужного качества. Идея массового получения пластин, но уже более высокого качества (с точки зрения древних мастеров) была реализована позднее, в РЛМ, и с применением другой, более сложной, технологии, хотя и прежняя технология не была забыта. Тем не менее, преориньяк можно рассматривать как «забегание вперед», как «предвосхищение будущего развития», но «забегание» по отношению к РЛМ, а не к верхнему палеолиту.

Предлагаемая автором интерпретация феномена

также вызывает некоторые возражения. Л.Б.Вишняцкий полагает, что культура должна обладать «запасом идей, вариантов поведения, способов деятельности, которые, будучи известны носителям культуры, не используются или почти не используются ими на практике» (с.13). «...Носители палеолитических культур использовали на практике только часть их знаний и способностей» (с.13). То, что древние люди использовали только часть своих способностей, не вызывает сомнений. Достаточно представить развитие материальной культуры вида *Homo sapiens sapiens* за последние несколько десятков тысяч лет. Сложнее обстоит дело с утверждением об использовании на практике только части знаний. Здесь не все однозначно. Так, невозможно представить, каким образом могло передаваться знание верхнепалеолитической технологии получения пластин (в том случае, если она действительно была изобретена и широко использовалась в преориньяке) на протяжении десятков тысяч лет без применения на практике вплоть до начала верхнего палеолита. Археологических свидетельств ее употребления в более поздних, чем преориньяк, среднепалеолитических индустриях нет (именно верхнепалеолитической технологии, а не протопризматической). Представляется крайне маловероятным, чтобы верхнепалеолитическая техника скола «могла до поры до времени оставаться лишь непрактичным, обременительным усложнением, потенциально вполне возможным, но ненужным» (с. 13) — настолько она проста, эффективна и результативна.

И в заключение, замечание по одному «возможному следствию» интерпретации автора. «Прерывистость развития», «отсутствие связующих звеньев (переходных индустрий)» можно объяснить несколько иначе, чем «введением в культуру множества инноваций». В некоторых случаях было достаточно одного принципиального изменения в технологии обработки камня. Так, появление верхнепалеолитической техники скола резко меняет облик некоторых финальномустьевакских ближневосточных индустрий, которые, имея значительный набор орудий верхнепалеолитических типов (свыше 50%) и пластинчатое расщепление, все-таки не относятся исследователями к верхнему палеолиту. Вероятно, облик заготовок и, следовательно, верхнепалеолитической группы орудий еще не соответствует полностью следующей эпохе. С изменением техники скола индустрия «внезапно» становится верхнепалеолитической.

Видимо, сходная ситуация наблюдается и при переходе от верхнего палеолита к эпипалеолиту. Массовое внедрение в практику технологии получения пластинок отжимом, также резко меняет облик индустрии. При этом, как кажется, выявить переходные индустрии будет еще сложнее, поскольку нет промежуточной технологии между «ударной» и «отжимной», а морфология и форма продуктов расщепления, тех, которые являются целью процесса, резко различны. Одна из вероятных причин смены технологии в любой эпохе — это изменение в типах орудий, изменение в требованиях к качеству скола, когда прежняя заготовка перестает быть удовлетворительной для новой формы орудия. Резкий крен в сторону одной из известных технологий, или изобретение (заимствование) и переход к другой, создает впечатление прерывистости развития.

Оценивая гипотезу «предвосхищения будущего развития в целом», видимо, следует признать, что на уровне современных опубликованных данных, явление «забегания вперед в развитии палеолитических индустрий» действительно имело место, хотя ряд спорных моментов требует от автора дальнейшего исследования проблемы, причем на основании не только опубликованных, но и «живых» археологических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

- Гиря Е.Ю., Нехорошев П.Е. 1993. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий. // РА, №4, с.5-24.
- Коробков И.И. 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья. // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л. с.9-185.
- Нехорошев П.Е. 1993а. Технологический подход к проблеме леваллуа. // Археологические новости. Вып. 1. Саратов. с.21-47.
- Нехорошев П.Е. 1993б. К методике изучения нижнепалеолитической техники и технологии расщепления камня. // РА, №3. с.100-119.
- Bergman C., Ohnuma K. 1983. Technological notes and some blades from Humma I 1a, El-Kowm, Syria // Quarter — 33/34. 171-180.
- Jelinek A. 1982. The Middle Paleolithic in the Southern Levant with comments on the appearance of modern Homo sapiens. // The transition from Lower to Middle Paleolithic and the origin of modern man. BAR, IS, 57-104.
- Lamdan M., Ronen A. 1989. Middle and Upper Paleolithic blades in the Levant. // People and culture in change/ BAR, IS, 508. 29-36.
- Nishiaki Y. 1989. Early blade industries of the Levant: the placement of Douara IV industry in the context of the Levantine Early Middle Paleolithic // Paleorient — 15.

Синицын А.А.**Sinitsin A.A.**

The problem of «running ahead of time» in the development of Paleolithic industries put forward by L.B.Vishneatsky is presented in the form of paradox. With the help of traditional typological means, on the base of the traditional taxonomy of Paleolithic a number of phenomena that does not match the traditional picture of evolution is being fixed. The solution of the problem on the empirical base, with the usage of typological categories seems to be unrealizable. The definition of the system of concepts, that allows to understand the mechanism of formation and functioning of the «running ahead of time» phenomenon is also difficult.

It is evident that in order to understand this phenomenon it is necessary to change the theoretical idea of evolution and the functioning of culture with a precise definition of requirements, applied to the system of concepts and methodology.

Научное знание развивается в принципе двумя основными способами. Первый путь — это когда круг каких-то явлений фиксируется достаточно четко традиционными способами, но из существующих представлений должным образом объяснен быть не может — этот путь парадоксов. Второй — когда необходимость существования чего-то выходит за рамки существующих представлений, например, о эволюции, функции, структуре..., но на фактическом материале не выделяется — это путь софизмов. В первом случае требуется поиск новых объяснений; во втором надежды на успех можно связывать только с изменением существующей системы научных ценностей, т.е. понятийного аппарата, методологии и тех связей и отношений внутри которых прогнозируемые явления могут быть зафиксированы и рассмотрены. Различие здесь скорее методическое, поскольку изменение отношений между содержанием и значением категорий анализа автоматически ведет к изменению способов восприятия фактического материала. На практике имеет значение ориентация: или существующий понятийный аппарат и методология анализа признаются удовлетворительными и проблема сводится к интерпретации, или необходимым признается изменение категорий и методических принципов, поскольку имеющиеся в наличии методы и средства не дают возможности адекватного восприятия материала, и эта неадекватность ощущается исследователем.

Проблема «забегания вперед» в развитии палеолитических индустрий ставится Л.Б.Вишняцким в форме парадокса. Традиционными типологическими средствами, на базе традиционной таксономии палеолита фиксируется круг явлений, по некоторым показателям не вписывающийся в традиционные представления о эволюции. Конкретно речь идет о появлении ряда элементов верхнепалеолитического технокомплекса в ряду мустьерских, а если точнее — раннемустьерских, индустрий. Может быть самое важное при этом, что с одной

стороны феномен «забегания вперед» фиксируется далеко не повсеместно, а в отдельных «очагах», разделенных огромными расстояниями; а с другой, эти «очаги» представлены на всех трех континентах Старого Света и, вдобавок на одном хронологическом срезе, хотя проблема определения возраста рассматриваемых индустрий остается наиболее сложной.

По своим технико-типологическим характеристикам индустрия хаусунс пурт, ближневосточный преориньяк и памятники типа Секлин Северо-Западной Европы объединяются наличием четко выраженной пластинчатой технологии и, в той или иной мере, верхнепалеолитических типов орудий при значительных отличиях более мелкого порядка. Больше объединяют их показатели «функционального» плана: 1)они появляются внезапно, 2) скорее всего на местной основе, 3) существуют относительно короткое время, 4) также резко сменяются индустриями более «архаического» облика (Вишняцкий 1993: 10) и 6) вновь возникает в результате плавной эволюции (Vishnyatsky 1994:135). Хотя эти признаки являются «внешними» по отношению к археологическому материалу и не касаются его содержания, они кажутся наиболее удачными для характеристики этого явления как дающие непосредственный выход на естественные и социальные условия его существования.

Его оценка как «забегания вперед» определяется, в первую очередь тем, относительно чего оно может быть зафиксировано. кроме общей периодизационной схемы: нижний — средний — верхний палеолит, содержание «нормальной» эволюции представляется довольно смутно, даже в Западной Европе наиболее обеспеченной фактическим материалом. Культурная (Bordes, Sonneville-Bordes 1970), функциональная (Binford, Binford 1966) и хронологическая (Mellars 1969) интерпретации вариантов мустье в разной степени, но имеют право на существование и остаются предметом обсуж-

дения. При предельной обобщенности таких понятий как «мозаичная», «кустающаяся» эволюция можно утверждать, по крайней мере, что однолинейная, необратимая эволюция на среднепалеолитическом материале не фиксируется. Более того, ни в одном более-менее детально изученном районе мустьерская культура не представлена одним единственным вариантом и на одном из выделяемых хронологических срезов. Аналогичная ситуация характерна и для раннего верхнего палеолита, по крайней мере для Европы и Средиземноморья, представленного существованием как минимум двух культурных традиций, одна из которых повсеместно представлена ориньяком. В этом отношении, в плане «организации», ранний верхний палеолит ближе предшествовавшей мустьерской эпохе, чем последующим периодам.

Рассматриваемые Л.Б.Вишняцким индустрии раннего периода верхнего палеолита не существуют изолированно ни на Ближнем Востоке, ни в Европе, выступая везде как составная часть достаточно сложных, чаще всего бинарных, культурных оппозиций, только внутри которых, видимо, и возможна оценка их значения. Археологические культуры, варианты, зоны развития... не являются безотносительной реальностью. Их выделение возможно только на конкретном фоне одновременных и однопорядковых явлений. Ябрудьен выделяется на фоне и через противопоставление левантийскому леваллу-мустье и мустье загросского типа (Коробков 1978; Kozłowski 1992; Dibble 1993); Памятники типа Секлин выделяются через противопоставление индустриям, не содержащим верхнепалеолитического компонента (Amelot-Van der Heijden 1993). Сложнее обстоит дело с оценкой индустрии хаусунс пурт и особенно в связи с проблемой определения возраста и продолжительности ее существования (Berger, Protsch 1989; Beaumont et al. 1978). Остатки человека современного физического облика в сочетании с индустрией во многом «мезолитического» облика (Singer, Wymer 1982) заставляют вообще сомневаться в правомерности ее среднепалеолитической атрибуции и более чем для остальных случаев дают основание говорить о действительном опережении в развитии.

Говоря о верхнем палеолите как эпохальном кроссконтинентальном явлении, первое, что надо иметь в виду это то, что проблема и его происхождения в целом и его отдельных локальных культур раннего верхнего палеолита на современной логической и методологической базе археологии решена попросту быть не может. Главным аргументом при любом предлагаемом решении остается «здравая логика»: если традиции верхнего палеолита не были принесены из космоса, они должны иметь корни в предшествующей эпохе (Bordes 1972: 211). Проблема, таким образом, является целиком софистичной: верхнепалеолитический технокомплекс, в каком бы виде он не проявлялся, не может не иметь истоков. Вопрос в том, на основе какой методологии и с помощью каких категорий анализа эти истоки могут быть установлены.

Ясно, что принципы типологии, как традиционной номенклатурной, так и более современной, основанной на анализе признаков, для этого использованы быть не могут в первую очередь из-за того, что понятие «типа» по своей природе дискретно и основывается на устойчивости формообразующих признаков. Проблема поиска истоков требует противоположного — разработка способов диагностики изменчивости морфологических показателей и создания понятийного аппарата, ориентированного именно на это.

С полным основанием можно утверждать, что такая направленность, по крайней мере для характеристики

техники первичного расщепления, составляет основную тенденцию развития археологической диагностики по крайней мере начиная с середины 80-х годов (Julien 1992). Принципиальным признается не столько морфология нуклеусов и полученных с них заготовок, сколько те операционные последовательности, в которые они включены (Voëda 1988, 1990). Особенно важным это оказалось для различения пластинчатых заготовок, снятых с призматических нуклеусов и пластин леваллуа (Perpere 1989; Revillon 1993), что, собственно говоря, и лежит в основе различия средне- и верхнепалеолитической технологий.

Можно утверждать также, что изменчивость первичного расщепления внутри конкретных индустрий как правило, если материалы достаточно многочисленны, не ограничивается одним техническим приемом, хотя «предпочтительные» типы заготовок также выделяются почти всегда. Рамки технической вариативности внутри индустрий бывают очень широки и то, что в одном контексте можно считать разными типами заготовок, в другом будет выражать вариации одного приема и одного типа. Рамки, внутри которых происходил «технический поиск» древнего человека в отдельных случаях устанавливаются достаточно четко (Volkman 1983) и это больше чем любые теоретические рассуждения показывает необходимость разработки процессуальной диагностики наряду с типологией нуклеусов и сколов.

Непосредственно связанная по своей природе с мускульной манипуляцией, техническая эволюция палеолита более чем типологическая является естественным процессом и ближе стоит к эволюции биологической. Во всяком случае, привлечение принципов биологической эволюции для понимания процессов технического развития является более приемлемым, чем, допустим, для объяснения эволюции культурной или социальной. Говоря о процессе освобождения передних конечностей для манипуляции на разных стадиях эволюции (отдельные виды рыб, использующих плавники для разгребания ила; использование передних конечностей белками, бобрами, медведями...) А.Леруа-Гуран образно охарактеризовал его как пробные поиски в этом направлении (Leroi-Gourhan 1964: 50-54). Неверно было бы, однако, характеризовать этот процесс как «забегание вперед», поскольку степень специализации органов определяется в первую очередь видовой адаптацией, «поиском» оптимальной экологической ниши. Эпизодическое появление в среднепалеолитических индустриях техники резцового скола или орудий верхнепалеолитической морфологии является только следствием метода «проб и ошибок», поскольку иного способа технической эволюции в доиндустриальных эпохах не существует. Аналогичным образом наличие выразительного «мустьерского компонента» в ряде верхнепалеолитических индустрий (наиболее выразительно II-й культурный слой Маркиной горы) как регресс обычно не рассматривается.

Число «аномальных» индустрий среднего палеолита с отдельными элементами верхнепалеолитического технокомплекса увеличивается по мере расширения и углубления исследований (Girard 1980; Tode 1982; Heinzelin 1983; Tavoso 1988) причем часто в раннемустьерских комплексах (Bosinski 1972: 153). Можно предположить, что из разряда исключений такие индустрии должны быть переведены в разряд «нормальных» явлений как один из компонентов сложно структурированного процесса разноплановости и разнонаправленности культурной эволюции.

Все из предложенных вариантов объяснения феномена «забегания вперед» являются одновременно и

приемлемыми и неудовлетворительными, поскольку современная методология интерпретации практически никак не связана с методологией источниковедения. Скорее всего, число возможных объяснений будет увеличиваться. Как дополнительный вариант можно акцентировать, например, факт распространения рассматриваемых индустрий в пределах или непосредственной близости от литоральных зон (для хаусунс пурт: Goelett 1984: 115), хотя связь с использованием прибрежных ресурсов навряд ли будет иметь большее объяснительное значение, чем остальные возможные варианты.

Поставленная Л.Б.Вишняцким проблема важна в первую очередь тем, что является узловой для широкого круга технических и логических вопросов археологии. Однако, при всей ее кажущейся фактологичности, постановка вопроса в форме парадокса лишает проблему возможности быть решенной на эмпирической основе, так как оценочный по сути феномен «забегания» фиксируется типологическими критериями, непригодными по своей природе к решению задач эволюционного и генетического плана. С их помощью явление может быть

зафиксировано — и само по себе это немало. Гораздо сложнее определить какой понятийный аппарат позволит понять механизм его формирования и функционирования.

Трудно представить, что ориньякское население Юго-Западной Франции не могло изготавливать острий на манер граветтских и трудно представить, чтобы обитатели верхнего слоя Костенок 1 не знали приема сверления, известного в значительно более ранние периоды. Тем не менее, они эти возможности не использовали и все дело в том, чтобы понять причину.

Очевидно, для понимания этого явления, производным от которого является обсуждаемый феномен «забегания вперед» необходимо изменение теоретических представлений о эволюции и функционировании культуры и четкой формулировки требований, предъявляемых к понятийному аппарату и методологии: «...сначала создавать и уточнять свой генеральный теоретический объект, выяснять его потребность в понятиях, затем работать над ними и сопоставлять их с понятиями других теорий» (Клейн 1980: 105).

ЛИТЕРАТУРА

- Вишняцкий Л.Б. 1993. «Забегание вперед» и развитие палеолитических индустрий: явление и его интерпретация // ПАВ 4. с.7-16.
- Григорьев Г.П. 1977. Палеолит Африки // Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки (ред. П.И.Борисковский). Л. с. 43-109.
- Клейн Л.С. 1980. Структура археологической теории // Вопросы философии 3. с. 99-115.
- Коробков И.И. 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока (ред. П.И.Борисковский). Л. с. 7-185.
- Ameloot-Van der Heijden N. 1993. L'ensemble lithique du gisement de Lengavesnes (Somme): illustration d'un probleme de reconnaissance du debitage levallois dans une industrie a bifaces de la phase ancienne du Paleolithique moyen // BSPF, t.90, n.4, pp.25 7-263.
- Beaumont P.B., de Villiers H., Vogel J.C. 1978. Modern Man in Sub-Saharan Africa prior to 49000 years B.P.: a review and evaluation with particular reference to Border cave// South African Journal of Science, vol.74, pp. 409-419.
- Borger R., Protach R. 1989. UCLA radiocarbon dates XI // Radiocarbon, vol.31, n.1. — 55-67.
- Binford L.R., Binford S.R. 1966. A preliminary analysis of functional variability in the Mousterian of Levallois facies // American Anthropologist, vol.68, n.2, pt.2. 238-295.
- Boëda E. 1988. Le concept laminaire: rupture et filiation avec le concept levallois // L'homme de Neandertal, col.8. La Mutation. Liege, pp.41-59.
- Boëda E. 1990. De la surface au volume. Analyse des conceptions des debitage levallois et laminaire // Paléolithique moyen recent et Paléolithique superieur en Europe. (ed. C.Farizy). Colloque International de Nemours. Memoires des Musee de Préhistoire d'île-de-France, 3. pp.63-68.
- Bordes F. 1972. Du paleolithique moyen au Paleolithique auperieur, continuite ou diacontinuite? // The Origine of Homo Sapiens (ed. F.Bordes). Paris, UNESCO, pp.211-218.
- Bordes F., de Sonneville-Bordes D. 1970. The aignificance of variability in Palaolithic assemblages // World Archaeology, vol.2, n.1. pp.61-73.
- Bosinski G. 1972. Late Middle Palaolithic groups in North-WesternGermany and their relations Early Upper Palaolithic Industries // The Origine of Homo Sapiens (ed. F.Bordes). Paris, UNESCO, pp.153-160.
- Dibble H.L. 1993. Le paleolithique moyen recent du Zagros // BSPF, t.90, n.4, pp.307-312.
- Girard C. 1980. Les industries mousteriens de la grotte du Renne a Arcy-sur-Cure (Yonne) // Gallia Prehistoire, t.23, n.1, pp.1-36.
- Gowlett J.A.G. 1984. Ascent to civilization. The arhaeology of early man. London, Glasgow, Sydney, Auckland, Toronto, Johannesburg.
- Heinzelin J. de, Haesaerts P. 1983. Un cas Debitage laminaire au Paleolithique ancien: Croix-l'Abbe a Saint-Valery0sur Somme // Gallia Prehistoire, t.26, pp.189-201.
- Kozłowski J.K. 1992. The Balkans in the Middle and Upper Palaeolithic: the gate to Europe or Cul-de-Sac? // Proceedings of the Prehistoric Society, vol.58, pp.1-20.
- Leroi-Gourhan A. 1964. Le geste et la parole. t.I. Paris.
- Mellars P. 1969. The chronology of Mousterian industries in the Perigord region of south-west France// Proceedings of the Prehistoric Society, 35. pp.134-171.
- Julien M. 1992. Du Fossile directeur a la chaine operateire // La Prehistoire dans le Monde. Nouvelle edition de la Prehistoire d'Andre Leroi-Gourhan (ouvrage collectif dirige par J.Garauger). Paris. pp.163-193.
- Perpere M. 1989. Les frontieres du debitage levallois: typometrie des eclats // L'Anthropologie, t.95, n.4. pp.837-850.
- Revilleon S. 1993. Question Typologique a propos des industries laminaires du Paleolithique moyen de Seclin (Nord) et de Saint-Germain-des-vaux/Port-Racine (Manche): lames levallois ou lamen non levallois? // BSPF, t.90, n.4. pp.269-273.
- Singer R., Wymer J. 1982. The Middle Stone age at Klasies river mouth in South Africa. Chicago, London. University of Chicago Press.
- Tavoso A. 1988. L'outillage du gisement de San Francesco a San Remo (Liguria, Italie): nouvel examen // L'Homme de Neandertal, vol.8. La Mutation. ERAUL n.35. Liege, pp.193-210.
- Tode A. 1982. Der Altsteinzeitliche fundeplatz Salzgitter-Lebenstendt // Fundamenta, Reihe A, bound II/I.
- Vishniatsky L.B. 1994. «Running ahead of time» in the development of Palaeolithic industries // Antiquity, vol.68, n.258. pp.134-140.
- Volkman Ph. 1983. Boker Tachtit: core reconstructions // Prehistiry and paleoenvironments in the Central Negev, Israel, vol.III. The Avdat/Aqev area. Part III. (ed. A.E.Marks). Dallas. pp.127-190.

Вишняцкий Л.Б.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ВОПРОСУ О «ЗАБЕГАНИИ ВПЕРЕД» В РАЗВИТИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ

L.Vishniatsky. New dates to the question of «running ahead of time» in the development of the Palaeolithic industries.

The analysis of the material from levels 15 and 13 of Yabrud 1 (Rust's collection) and bed 75 of Tabun (Jelinek's collection) leads to the conclusion that the Amudian and Pre-Aurignacian industries are both typologically and technologically rather distant from UP standards. At the same time, though not as advanced (derived) as they are sometimes thought to be, both the Amudian and particularly the Pre-Aurignacian provide a picture of what one might expect to observe in an ideal «transitory» Middle/Upper Paleolithic industry. This is true in both typological and technological respects. Taking into account both the stratigraphic position of these industries and their basic similarity in terms of direction of cultural transformation, it is reasonable to consider the Amudian and Pre-Aurignacian as contemporaneous and representative of a specific episode of a rather substantial (albeit gradual) change within the Yabrudian. The notion of an «Intra-Yaburdian Episode» and the designation of the Pre-Aurignacian and Amudian as the industries of this episode would seem appropriate on the basis of current evidence. The Intra-Yaburdian assemblages, together with Howiesons Poort in southern Africa and the Seclinien in north-west Europe, provide good examples of what has been called «running ahead of time» in the development of Paleolithic industries (Vishniatsky, 1994). In each of these examples we have to deal with cultural transformations resembling those characteristic of the Middle/Upper Paleolithic transition (at least in the realm of stone working). It cannot be ruled out that the causes of changes in all these cases (including here the Middle/Upper Paleolithic transition) also were very similar. What we need most of all to reveal these causes, is an understanding of how the changes in stone technology were connected with and depended on changes in subsistence. However, this end remains distant.

По независимым от участников этой дискуссии обстоятельствам получилось так, что комментарии, с которыми только что, надо думать, ознакомился читатель, были написаны в 1994 году, по «горячим следам» вышедшей за несколько месяцев до этого статьи, а ответ я пишу в 1999, имея, таким образом, своего рода фору в пять лет. За этот период появилось довольно много публикаций, имеющих самое непосредственное отношение к обсуждаемым здесь проблемам, а мне посчастливилось посмотреть «вживе» несколько ближневосточных коллекций, из числа наиболее часто упоминаемых на предшествующих страницах. Особенной удачей была возможность детально ознакомиться с материалами раскопок А.Руста в Ябруде, а также с индустриями амудийских слоев Табуна (раскопки А.Джелинека) и части переходных (от среднего палеолита к верхнему) слоев Бокер Тахтит (раскопки Э.Маркса) и Кзар Акила (раскопки Догерти). Ниже, отвечая на возражения и замечания комментаторов, я привожу некоторые новые данные, позволяющие, как мне кажется, в какой-то мере прояснить ряд спорных моментов.

Начну с вопроса о том, дают ли в действительности археологические данные достаточно серьезные основания, чтобы говорить о феномене «забегания вперед» в развитии палеолитических индустрий. Не стану повторять здесь свое определение этого феномена (замечу лишь, что не следует путать определение с названием, как это делает Е.Ю.Гиря), тем более, что его приводит М.В.Аникович, и не стану ссылаться на оценки, даваемые таким индустриям, как Howieson's Poort или Seclinien, их чересчур эмоциональными (как считает П.Е.Нехоршев) зарубежными исследователями. Вме-

сто этого остановлюсь подробнее на анализе ближневосточных материалов, с которыми непосредственно работал (статистические и метрические данные, характеризующие преориньяк Ябруда 1, см. в: Вишняцкий 1998).

Сколь велико сходство между преориньяком и амудьеном, с одной стороны, и верхнепалеолитическими индустриями, с другой? Можно ли говорить о том, что первые в какой-то мере превосходят вторые, и если да, то в какой?

Амудьен Табуна типологически весьма далек от верхнепалеолитических стандартов, поскольку среди орудий доминируют скребла (в том числе множество ябрудийских) и рубила, тогда как изделия верхнепалеолитической группы редки и невыразительны, за исключением ножей с обушком, идентичных ножам шательперрон. В амудийских слоях Маслуха также преобладают скребла, а ножи с обушком составляют вторую по численности группу орудий (Shmukler, 1983). Иную картину являет Абри Цумоф фен (Garrod, Kirkbride, 1961; Copeland, 1983), где бифасы и ябрудийские скребла, практически, отсутствуют, а основу орудийного набора формируют ножи с обушком (в ряде случаев неотличимые от ножей шательперрон), дополняемые некоторым количеством резцов. Наибольшее количественное типологическое аналогий с верхним палеолитом дает преориньяк Ябруда 1 с его многочисленными резцами, скребками, комбинированными орудиями и ретушированными пластинами, и при почти полном отсутствии изделий ниже/среднепалеолитических типов. С точки зрения техники расщепления, несмотря на тот факт, что и преориньяк и амудьен демонстрируют сочетание высокого процента пластин с нелеваллуазскими методами их получения (Nishiaki, 1988; Meignen, 1994),

эти индустрии не выходят за рамки вариабельности, наблюдаемой в среднем палеолите. Настоящие призматические нуклеусы в них, по-видимому, отсутствуют (я не обнаружил таковых ни в одной из изученных коллекций), и, хотя фасетирование площадок в общем нехарактерно, некраевое скалывание безраздельно господствует. Прием ретушного или абразивного редуцирования края ударной площадки нуклеуса в этих комплексах, по-существу, незаметен (можно найти лишь единичные и спорные свидетельства его применения).

Таким образом, говорить о том, что рассматриваемые индустрии типологически или технически идентичны верхнепалеолитическим, разумеется, не приходится. Тем не менее, их самобытность на фоне ниже- и вышележащих собственно ябрудийских комплексов остается очевидной, и, если суммировать различия, то окажется, что особенности, выделяющие преориньяк и амудьен — это как раз те черты, которые можно было бы ожидать наблюдать в идеальной переходной (от среднего к верхнему палеолиту) индустрии. Последнее относится в равной мере и к типологии, и к технологии. Во-первых, как преориньяк, так и некоторые комплексы амудьена (Абри Цумоффен) характеризуются резким сокращением или почти полным исчезновением ниже/среднепалеолитического компонента в орудийном наборе, тогда как орудия верхнепалеолитических типов становятся его заметной (Табун, Bed 75, units 12 и 11; Маслух, слои А и В) или преобладающей (Абри Цумоффен, слои 21-11 в траншее А и 8-5 в траншее В; Ябруд 1, слои 13 and 15) частью. Во-

вторых, хотя технология производства пластин в обеих индустриях остается еще скорее среднепалеолитической, сами пластины во многих отношениях (метрические характеристики, редкость фасетированных площадок) ближе к верхнепалеолитическим, нежели мустьерским заготовкам, либо занимают промежуточное положение (таблица 1). Тот факт, что отношение ширины к толщине (W/T) и ширины площадки к толщине площадки (W_{bas}/T_{bas}) у преориньякских пластин в среднем значительно меньше, чем у пластин из мустьерских и собственно ябрудийских комплексов, скорее всего, означает (принимая, что сама толщина была, как видно из таблицы, примерно постоянной величиной), что первые снимались с более выпуклых поверхностей скалывания, близких таковым верхнепалеолитическим нуклеусам. В пользу этого говорит и наличие в слое 15 Ябруда 1 как минимум двух подготовленных и полутора десятков «естественных» реберчатых пластин и пластинчатых отщепов (т.е. сколов пластинчатых пропорций, высокой формы, треугольных в сечении), по крайней мере часть которых послужила для инициирования процесса скалывания, имеющего целью получение пластин. Не случайно, по-видимому, и то обстоятельство, что отношение ширины площадки к ширине в средней части у преориньякских пластин заметно меньше чем у среднепалеолитических и даже чем у пластин из переходных комплексов. Это показатель отхода от характерной для леваллуа-мустье дистально-конвергентной формы удлиненных заготовок в сторону формы более свойственной для верхнего палеолита

Таблица 1. Некоторые метрические характеристики пластин из мустьерских, верхнепалеолитических и переходных комплексов Ближнего Востока

Средние данные по мустье (Кебара, Сефуним, Кафзех) и верхнему палеолиту (Ракефет, Сефуним, Кафзех) взяты из Lamdan & Ronen 1989; Ronen 1992; данные по Ябруду 1, Бокер-Тахтит и Кзар Акилу добавлены автором. Размер выборки не менее 100 предметов (кроме Ябруд 1, слой 10, где всего 25 предметов). Все измерения в миллиметрах.

	Мустье	Верхний палеолит	Ябруд 1 Сл.15	Ябруд 1 сл.10*	Бокер-Тахтит сл.4**	Кзар Акил сл.24**	Кзар Акил сл.18***
Отношение ширины пластины к толщине	3,5	2,7	2,8	3,5	2,8	2,8	2,8
Ширина площадки	16,7	9,5	12,7	17,6	14,7	13,5	11,6
Толщина площадки	5,8	3,8	5,0	5,5	5,7	5,0	4,6
Отношение ширины площадки к толщине	2,9	2,5	2,5	3,2	2,6	2,7	2,5
Ширина пластины в средней части	23,4	18,2	22,5	27,5	20,9	18,4	18,3
Отношение ширины площадки к ширине пласт. в сред. части	0,71	0,52	0,56	0,64	0,70	0,73	0,63

* леваллуа мустье

** переходная индустрия

*** ранний верхний палеолит

По мнению П.Е.Нехорошева, «преориньяк, с технологической точки зрения, можно рассматривать как неудачную попытку перехода к пластинчатой индустрии». «Идея массового получения пластин, но уже более высокого качества (с точки зрения древних мастеров)» была, как он пишет, реализована позднее, в раннем левантийском мустье. Мне, к сожалению, точка зрения древних мастеров не известна, но если руководствоваться приведенными выше данными, указывающими на значительную близость преориньякских пластин верхнепалеолитическим, то уничтожительная оценка первых выглядит безосновательной. Сомнителен и тезис, что резкое увеличение количества пластинчатых заготовок всегда автоматически влечет за собой столь же резкое изменение типологического облика индустрии (П.Е. Нехорошев, Е.Ю.Гиря), и именно этим якобы объясняется сходство орудийного набора преориньяка/амудьена и верхнепалеолитических памятников (Jelinek 1990:85). С одной стороны, для мустье известно немало случаев, когда высокий индекс пластинчатости сочетается с крайне низким типологическим индексом верхнего палеолита [например, 55 и 6,5 в Биситуне (Dibble 1984), 45 и 5 в слое В Варвази (Dibble & Holdaway 1993)], а с другой стороны, заведомо верхнепалеолитические по своей типологии комплексы зачастую являются гораздо менее пластинчатыми, чем, скажем, мустье типа Табун D (Marks & Monigal 1995:267) и ряд чисто мустьерских индустрий Загроса (те же Биситун и Варвази) и Средней Азии (Кутурбулак).

Важно, что и амудьен и преориньяк вырастают, скорее всего, на местной ябрудийской основе. Материалы Табуна свидетельствуют в пользу непрерывной эволюции, в ходе которой имело место плавное возрастание а затем сокращение «частоты характерных амудийских элементов по отношению к орудиям и сколам иных типов (Jelinek, 1990:87). В Ябруде 1 ситуация сложнее. При ознакомлении с материалом поражает, что в то время как в коллекциях слоев 15 и 13 преобладают пластины и орудия верхнепалеолитических типов, в слоях 16 и 14 эти изделия напрочь отсутствуют, и в орудийном наборе доминируют ябрудийские скребла, которых нет в преориньякских слоях. Как это объяснить? Были ли изменения, действительно, столь внезапными? Или это просто результат сортировки уже раскопанного материала? Наверняка на эти вопросы вряд ли можно ответить. Однако, допуская, что верно скорее второе, чем первое, хочу подчеркнуть, что даже если смешать коллекции из всех четырех слоев и затем проанализировать их как единый комплекс, то и тогда заключение о «продвинутом» характере индустрии останется непоколебленным. Более того, в подобном случае было бы очевидно, что, как и амудьен Табуна, преориньяк Ябруда 1 имеет корни в ябрудьене и пред-

ставляет собой автохтонное явление.

По моему мнению, принимая во внимание стратиграфическую позицию рассматриваемых индустрий (слои с преориньяком и амудьеном вклиниваются между собственно ябрудийскими слоями) и одинаковую направленность демонстрируемых ими культурных трансформаций, их можно считать одновременными или, по крайней мере, очень близкими во времени явлениями, маркирующими период существенных — но оказавшихся обратимыми — изменений внутри ябрудьена. Для обозначения этого периода было бы целесообразно ввести понятие «внутри-ябрудийский эпизод». Как и шесть лет назад, я считаю, что индустрии внутри-ябрудийского эпизода, наряду с хаусонс пуртом Южной Африки и секлиньеном северо-западной Европы, дают пример опережающего свое время развития. В каждом из этих случаев мы имеем нечто вроде репетиции верхнепалеолитической «революции» (по крайней мере в области обработки камня).

Очень интересен поднятый в очередной раз М.В. Аниковичем вопрос о дальнейшей судьбе преориньяка и возможности его генетической связи с собственно ориньяком. Я в общем-то согласен с ним в том, что гипотеза о ближневосточной прародине европейского ориньяка не исчерпала «своих потенциальных возможностей», но, не сбрасывая ее со счета окончательно, считаю, что имеющиеся факты и, в первую очередь, то обстоятельство, что настоящий ориньяк на Ближнем Востоке много моложе, чем в Европе, свидетельствуют скорее все же против, чем за нее. Что касается идеи, согласно которой преориньяк и амудьен могли явиться основой, на которой впоследствии сформировались первые верхнепалеолитические культуры, такие как ориньяк и шательперрон, то ни стратиграфическое положение первых двух индустрий, ни постулируемый для них весьма древний возраст не благоприятствуют такой гипотезе, а отсутствие каких бы то ни было промежуточных звеньев между ними и ранним верхним палеолитом делает ее еще менее правдоподобной. Единственная возможность «спасти» идею заключается в том, чтобы рассматривать инвентарь 15 слоя Ябруда 1, 21-11 слоев Абри Цумоффен и т.д., как следы некоей пришедшей культуры (или культур), носители которой впоследствии оставили регион, но подобному допущению серьезно противоречат следующие обстоятельства: 1) как уже было сказано, для Табуна раскопки А.Джелинека дали весьма убедительные доказательства непрерывной эволюции на протяжении всего ябрудьена, включая амудийские слои; 2) в сопредельных регионах пока не известно ничего подобного амудьену и преориньяку, а миграция не могла быть из ниоткуда в никуда. Конечно, нельзя исключить вероятность того, что в будущем какие-то связующие звенья все же обнаружатся, но пока это-

го не произошло, и на мой взгляд, шансы рассматриваемой гипотезы на повышение статуса не слишком высоки.

Высказанные некоторыми участниками дискуссии соображения о том, что, говоря о нормах развития или «нормальной эволюционной последовательности», нужно было бы попытаться определить, что это такое, кажутся мне совершенно справедливыми. В моей статье определения нет, и это одно из ее наиболее уязвимых мест (принимаю упрек Е.Ю.Гири и А.А.Синицына). Справедливы сами по себе и рассуждения о том, что «чисто технологически возможности вариативности форм продуктов расщепления не безграничны», что «пластина и не могла пластиной не стать», и «будущее» в этом отношении не могло быть иным (Е.Ю.Гиря), но я не вижу какие последствия акцентирование такого рода банальностей имеет для решения вопросов, поднятых в обсуждаемой статье. Речь ведь в ней идет не о причинах появления пластинчатых индустрий как таковых, и не о причинах того, почему они, возникнув и затем исчезнув, вновь появляются в верхнем палеолите (хотя и здесь ссылок на технологическую и функциональную необходимость маловато — появились-то они далеко не повсеместно), речь в ней о феномене «предвосхищения» верхнепалеолитического «будущего» в нижне- и среднепалеолитическом прошлом, и о том, что феномен этот — если признавать его реальность — ставит под сомнение господствующие аккумулятивистские представления о характере и причинах культурного развития в палеолите (краткую характеристику этих представлений см. в Вишняцкий 1997). Существование явления «забегания вперед», наряду с другими фактами, означает, что, пытаясь объяснить те или иные изменения в культуре, имевшие место в палеолите, нельзя исходить из посылки, что они были прямым и немедленным следствием появления соответствующих биологических или каких-то иных (открытие, изобретение, заимствование) возможностей. Имевшиеся возможности могли долгое время оставаться «непроявленными» вплоть до появления такой необходимости. Объяснить распространение пластинчатых индустрий, или введение в широкое употребление костяных наконечников, глиняных горшков и т. д., значит объяснить, прежде всего, не почему эти сдвиги в культуре стали возможны и тем более не почему техно-

логически они были predeterminedены, а почему они стали необходимы, почему потребовалась замена старых, многие десятки и сотни тысяч лет вполне себя оправдывавших способов жизнеобеспечения и технологий новыми, многие из которых были доступны и раньше, но не использовались (или использовались лишь в исключительных случаях).

Ряд возражений касается моего предположения, что в преистории существовал механизм культурной эволюции, действовавший подобно механизму эволюции биологической, за счет скрытого резерва изменчивости. Я согласен с П.Е.Нехорошевым, что представить, каким образом знания о тех или иных способах расщепления камня могли передаваться на протяжении десятков тысяч лет без применения на практике довольно трудно, но намеренное хранение такого рода информации совсем не обязательно. Судя по изощренности многих технологий, реконструируемых по материалам среднего палеолита, уже в эту эпоху среди создателей каменных индустрий в каждом поколении были люди, знавшие свое дело не хуже современных экспериментаторов и способные при необходимости существенно изменить и расширить технический репертуар, обычный для той или иной традиции. Здесь мы имеем дело, по-видимому, как раз с тем случаем, когда «велосипед» легко мог изобретаться заново много раз, о чем свидетельствуют, кстати, и примеры из области археологии верхнего палеолита и более поздних эпох, приводимые Е.Ю.Гирей. Относительно сомнений в уместности поиска биологических параллелей и употребления биологических терминов применительно к эволюции культуры могу сказать только, что параллели в данном случае не метафоричны, а существуют на самом деле (вопрос имеет длительную и интересную историю, но об этом как-нибудь в другой раз), а термины приходится заимствовать лишь потому, что понятийный аппарат самой культурологии пока слишком беден.

Завершая свой ответ, должен повиниться в том, что «прореагировал» далеко не на все идеи, возражения, замечания и вопросы, содержащиеся в комментариях. Некоторые из них имеют к написанному мной шесть лет назад лишь весьма отдаленное (если вообще какое-то) отношение, некоторые, признаюсь, я просто не понял. Хочу также поблагодарить всех, кто счел мою работу достойной отклика.

ЛИТЕРАТУРА

Вишняцкий Л.Б. 1997. О предыстории и причинах технологических новаций, знаменующих начало верхнего палеолита // Проблемы археологии каменного века. Уссурийск: 30-43.
 Вишняцкий Л.Б. 1998. Преориньяк и внутрибрудийский эпизод // Палеоэкология и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск. Т.2: 401-412.

Copeland L. 1983. The Palaeolithic industries at Adlun // Adlun in the Stone Age: The Excavations of D.A.E.Garrod in the Lebanon, 1958-1963. Oxford: BAR: 89-260.
 Dibble H.L. 1984. The Mousterian industry from Bisitun Cave (Iran) // *Paleorient* 10: 23-34.
 Dibble, H.L., Holdaway S.J. 1993. The Middle Paleolithic Industries of Warwasi // *The Paleolithic Prehistory of*

- the Zagros-Taurus. Philadelphia: University of Pennsylvania: 75-99.
- Garrod D.A.E., Kirkbride D. 1961. Excavation of the Abri Zumoffen, a Paleolithic rock-shelter near Adlun, South Lebanon, 1958 // Bulletin du Musée de Beyrouth 16: 7-48.
- Jelinek A.J. 1990. The Amudian in the context of the Mugharan Tradition at the Tabun Cave (Mount Carmel), Israel // The Emergence of Modern Humans. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press: 81-90.
- Lamdan N., A.Ronen. 1989. Middle and Upper Palaeolithic blades in the Levant // People and Culture in Change. Oxford: BAR: 29-36.
- Marks A.E., Monigal K. 1995. Modeling the production of elongated blanks from the Early Levantine Mousterian at Rosh Ein Mor // The Definition and Interpretation of Levallois Technology. Philadelphia: University of Pennsylvania Press: 267-277
- Meignen L. 1994. Paleolithique moyen au Proche-Orient: le phenomene laminaire // Les industries laminaires au Paleolithique moyen. Paris: CNRS: 125-159.
- Nishiaki Y. 1989. Early blade industries of the Levant: the placement of Douara IV industry in the context of the Levantine early Middle Paleolithic // Paleorient 15: 215-229.
- Ronen A. 1992. The emergence of blade technology: Cultural affinities // The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia. Tokyo: Hokusen-sha: 217-228.
- Shmookler L. 1983. Masloukh revisited: The Amudian layers of the coastal site in Lebanon. Unpublished manuscript.